

Изъ записокъ 1877—78 г.г. ¹⁾.

И вотъ 17-го февраля 1878 года, утромъ снарядившись въ свой путь, мы двинулись по шоссе на Эрзерумъ. 244 версты предстояло намъ продѣлать верхомъ въ теченіе девяти дней, изъ коихъ въ иные весь переходъ надо было сдѣлать всего лишь въ 10—12 верстъ,—больше нельзя было осилить за необходимостью подъема почти съ морского уровня на 7—8 тысячъ футъ надъ уровнемъ.

Къ семи часамъ утра 17-го февраля мы, условившись съ консуломъ, прибыли за городомъ къ ближайшему духану, гдѣ и поджидали, пока онъ, окончивъ имѣвшіяся у него дѣла, придетъ на присоединеніе къ намъ. Намъ предстояло удовольствіе пройти съ нимъ еще версты три-четыре и уже у слѣдующаго духана попрощаться. Вышло иначе: Рива не выдержалъ; онъ остался съ нами и, не покинувъ насъ у второго духана, проводилъ насъ по цѣлому переходу до селенія Мадена, гдѣ въ Мадена-Ханѣ мы должны были имѣть ночлегъ.

Очень извиняясь въ томъ, что пришлось заставить насъ прождать нѣкоторое время, Рива, съ большимъ оживленіемъ, сообщилъ намъ, что былъ задержанъ Юсуфомъ-пашой, который повѣдалъ ему большія подробности о надѣлавшемъ въ теченіе вчерашняго вечера и послѣдовавшей затѣмъ ночи шума, слѣдствіи, обнаружившемъ и вполнѣ раскрывшемъ виновниковъ посползновенія нанести намъ вредъ бросаніемъ въ насъ камней изъ-за угла: оказались попавшимися въ этомъ преступленіи три женщины, изъ коихъ двѣ очень молодыя, а одна,—ководчица среднихъ лѣтъ, что называется бывалая; онѣ всѣ три были, по указанію свидѣтелей эпизода, схвачены на мѣстѣ продѣлки и,

¹⁾ См. „Русская Старина“, августъ 1915 г.

послѣ недолгаго заирательства, рассказали все о своей выходкѣ.

Сложнаго тутъ не было ничего: извѣстная по своему распутству, бывшая сожительница Мемед-Речжди, получила отъ него приказъ собрать такихъ же гетеръ, для исполненія операціи обстрѣла россійскаго великокняжескаго посольства; въ назначенный Мемедомъ часъ и въ указанномъ мѣстѣ, онѣ это продѣлали. Все это доказано. Въ настоящее время ихъ засадили въ арестное помѣщеніе, а затѣмъ безъ промедленія переведутъ въ тюрьму, гдѣ съ ними, по твердому неотступному настоянію консула, раздѣлитъ плѣнъ самъ хозяинъ изобрѣтатель операціи: Юсуфъ-паша приказалъ немедленно же лишить его свободы на цѣлый мѣсяць съ тѣмъ, что послѣ того онъ будетъ, безъ освобожденія изъ неволи, высланъ въ тѣ мѣста, въ которыхъ у него имѣются собственныя плантаціи—въ 400-хъ километрахъ отъ озера Вана за Урміей,—съ воспрещеніемъ выѣзда оттуда въ теченіе года.

Рива, довольный исходомъ всего этого дѣла, много шутилъ, находя, что такъ какъ не удалось принаять больше пары гетеръ, то это послужило къ нашему счастью, ибо—штукъ пять такихъ женщинъ рѣшительно отказались пойти на это предпріятіе; далѣе на наше же счастье не пошли на эту аферу и мужчины: стрѣльба камнями изъ рукъ почти дѣвчонокъ оказалась и невѣрною и нетвердою, отъ этого быть можетъ пришлось намъ такъ легко отдѣлаться и выйти цѣлыми изъ обстрѣла.

Обсуждая это дѣло теперь, можно добавить, что, по счастью, времена тѣ были не броунингскія и попытку эту насъ обстрѣлять камнями можно вполнѣ назвать, какъ нынче говорятъ, покушеніемъ съ негодными средствами. Отказы, полученные Мемедомъ-Речжди, отъ меня и отъ Юсуфа-паши, видимо, обезкуражили его и отняли у него всякую способность къ проявленію находчивости,—онъ растерялся, а затѣмъ поторопился натворить глупостей.

— За время нахожденія въ ссылкѣ, прикваннымъ къ своему табаку, будетъ онъ имѣть немало случаевъ опомниться и спохватиться,—повторялъ нѣсколько разъ Рива.

— Вамъ бы остаться съ нами до утра, чѣмъ теперь въ усталомъ видѣ, возвращаться въ Трепизондъ на ночь глядя старались мы его уговорить, когда онъ вечеромъ собрался прощаться съ нами.

— Какъ могу я это продѣлать, сколько безпокойства причинило бы это семьѣ моей, отвѣтилъ онъ и, не взирая на всѣ

наши уговоры, остался вѣренъ себѣ.—Такъ мы тутъ же возлѣ Мадена-Ханъ и попрощались съ этимъ человѣкомъ навсегда. На другой день, 18-го, намъ предстояло сдѣлать первый большой подъемъ въ сферу морозныхъ облачныхъ слоевъ на Зигана-Ханъ, гдѣ насъ и застала тогда рѣзкая буреломная метель съ 25 градуснымъ морозомъ. Что перенесли на этомъ первомъ подъемѣ наши вѣрные кони, страшно вспомнить.

Шоссейная дорога шла въ свою ширину только до известной высоты, а затѣмъ примѣрно съ высоты въ 300—400 футъ пошла тропинка въ одинъ аршинъ, подымавшаяся по глубокимъ снѣжнымъ сугробамъ; такъ это было въ первый день подъема въ облачныя пространства въ первый день на Зигана и такъ во всѣ слѣдующіе дни—т.-е. и на Топъ-дагъ и на Саганлугъ.

Поднимаясь на такія высоты, мы должны были идти въ 20-ти градусномъ морозѣ, постепенно входя въ эти заоблачныя ледяныя пространства, а затѣмъ въ тотъ же день или рано утромъ на другой день спускаться въ такія теплыя мѣста, гдѣ жители въ рубашкахъ, при лѣтней погодѣ, сѣяли вешніе хлѣба.

Такъ мы прошли по морознымъ пространствамъ Зигана-Ханъ (18-го), Топъ-дагъ (22-го) и Саганлугъ (24-го); первые два мѣста на 7¹/₂ тысячахъ футъ, а послѣдній пунктъ на 10 съ лишнимъ тысячахъ футъ.

Собственно городъ на нашемъ пути былъ одинъ—Байбуртъ, когда-то очень живой и торговый пунктъ, утратившій свое торговое значеніе за послѣднее время.

Передъ этимъ городомъ,—наканунѣ мы миновали огромное мѣстечко Гюмишъ-Хане, раскинувшееся среди граничащихъ съ нимъ съ одной стороны серебряныхъ рудниковъ и угольныхъ копей съ другой; питающееся этими дарами здѣшней горной природы, населеніе этихъ мѣстъ представляло собой болѣе зажиточныхъ обитателей;—смотрѣли они бодро, одѣвались щегольски, а главное вообще не носили того отпечатка заботливости, или угнетенности, которая какъ будто бы давила народъ во всемъ остальномъ районѣ пройденнаго нами за тѣ дни пути. Отъ Гюмишъ-Хане до г. Байбурта считается около 60 верстъ, дорога идетъ по отрогамъ горъ, но по идущимъ отъ селенія до города жилымъ постройкамъ, населенный пунктъ почти не прерывается и двигаясь въ пути, можно подумать, что, какъ началось селеніе Гюмишъ, такъ идетъ оно сплошь, составляя одно цѣлое. Городскія байбуртскія постройки мало отличаются отъ сельскихъ гюмишескихъ; кое-гдѣ лишь въ городѣ

имѣются остатки болѣе зажиточнаго типа построекъ и то болѣе лишь въ полуразрушенномъ видѣ, т.-е. почти въ развалинахъ.

Ясно видно, что городъ Байбуртъ, мало отличаясь характеромъ и типомъ своихъ жилищъ отъ тѣхъ, которыя имѣются въ просторномъ селеніи Гюмишъ-Хане, не возобновлялся своими постройками съ того времени, какъ утратилъ свое торговое значеніе. Его мы прошли 20-го числа; въ немъ команда въ 12 человекъ заптѣевъ была замѣнена другою изъ 12-ти же человекъ; мы же пообѣдали у мѣстнаго состоятельнаго домовладѣльца.

Лунная ночь на 25-е число была особенно морозная, свѣжая; въ чистомъ, прозрачномъ лѣсномъ воздухѣ Саганлуга слышенъ былъ каждый малѣйшій звукъ, малѣйшій шорохъ; гдѣ-то трещали вѣтки собиравшагося къ-мъ-то, разнесеннаго вѣтромъ лѣса, ясно слышался топотъ лошадей, везшихъ скрипѣвшія сани; мы прибавили ходу, желая и согрѣться, и повидать посѣтителей этихъ дикихъ лѣсовъ, а они, эти посѣтители, слыша погоню, видимо тоже ускоряли свое движеніе. Вдругъ съ отзвучивой дали громко раздалась заунывная россійская пѣсня:—„собачка вѣрная моя залаетъ громко у воротъ“. Нашъ конвой также громко, хоромъ повторилъ эти слова, какъ эхо, и все замолкло. Никого мы не догнали и только на другой день 25-го февраля, уже подѣвжая къ самой Иллиджѣ, увидѣли на вѣздѣ въ мѣстечко двухъ всадниковъ - казаковъ Волгскаго полка и трехъ пѣхотныхъ солдатъ. Какія чувства все это вызвало въ насъ, и въ какой степени эти чувства даже теперь,—ровно черезъ 37 лѣтъ, расшевеливаютъ душу!..

Въ тотъ же день, къ вечеру 25-го мы вѣхали въ Эрверумъ и тотчасъ же всѣ, вмѣстѣ съ Гассаномъ и съ его заптѣями, представились командовавшему отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, дѣйствовавшему на кавказско-турецкой границѣ, генералъ-адъютанту Михаилу Таріеловичу Лорисъ-Меликову.

Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ и радушіемъ принялъ насъ.

— Вотъ это хорошо, это я понимаю,—сказалъ онъ,—прямо съ дороги не отдыхая и не давая себѣ труда почиститься, прямо на мои глаза; вотъ спасибо, это чисто по-кавказски. Что ты служилъ когда-нибудь на Кавказѣ?—спросилъ онъ меня просто, по-отцовски обращаясь съ перваго свиданія „на ты“.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я...

— Прямо догадался?—перебилъ онъ меня.

— Нѣтъ,—повторилъ я,—вотъ кто насъ надоумилъ,—указалъ на Алдатова.

— А! Алдатовъ, здравствуй, я тебя и не замѣтилъ, какъ я радъ тебя повидать; какъ Богъ тебя милуетъ;—затѣмъ, продолжая обращаться ко мнѣ, онъ сказалъ: — онъ научилъ тебя? ну, спасибо за откровенность; правдивая откровенность первое дѣло.

— Ну какъ добрались, какъ проѣхали черезъ наши дебри?

— Путь совершили прекрасно, — отвѣтилъ я, — благодаря, главнымъ образомъ, тому, что прекрасно оберегалъ насъ начальникъ конвоя—этотъ турецкій начальникъ запѣвъ вилайета—Гассанъ-бей,—указалъ я на робѣвшаго Гассана...

— А!—сказалъ Михаилъ Таріеловичъ,—хорошій начальникъ конвоя, вѣрнымъ слугою былъ онъ тебѣ за все время, ну, прекрасно; и оборотясь къ нему, Лорисъ заговорилъ съ нимъ совершенно свободно, бѣгло по-турецки.

Въ дорогѣ, вспоминая слова консула, я нѣсколько разъ давалъ себѣ трудъ приглядѣться хорошенько къ лицу этого обременнаго судьбой человѣка и не безъ того, что нѣсколько разъ приходилось мнѣ улавливать въ этомъ лицѣ тѣ добрыя черты, которыя подчеркивалъ мнѣ Рива. Но, впившись совершенно случайно взоромъ въ глаза и въ улыбку, появившуюся на лицѣ Гассана въ ту минуту, когда Лорисъ-Меликовъ обратился къ нему по-турецки, я увидѣлъ такое выраженіе его лица, въ какое, казалось бы, черты тѣ и не могли имѣть способность сложиться; съ тѣмъ вмѣстѣ Гассанъ смиренно опустился на колѣни и преклонился въ земномъ поклонѣ.

— Да какой же онъ у тебя славный этотъ звѣрь,—сказалъ генералъ, поднимая его.

— Съ тѣмъ вмѣстѣ позвольте, ваше высокопревосходительство, представить вамъ дѣловыя бумаги отъ его высочества августѣйшаго главнокомандующаго арміи, дѣйствующей въ Европейской Турціи; при этомъ представляется вамъ и поклонъ отъ Великаго Князя Николая Николаевича.

— Опять спасибо тебѣ,—сказалъ Лорисъ-Меликовъ.

— Однако, что же это, соловья баснями не кормятъ, вы съ дороги проголодались, а я вамъ зубы заговариваю да еще по-турецки. Каргановъ! гдѣ Каргановъ?

Явился артиллерійскій подполковникъ Каргановъ, завѣдывающій хозяйственною частью генерала.

— Иди, голубчикъ, скорѣй начинай кормить заморскихъ гостей, „все, что есть въ печи, на столъ мечи“, прикажи скорѣй подавать, они и замерзли, и, думаю я, сильно взалкали. А тѣмъ временемъ вотъ что, подай, пожалуйста, мнѣ сейчасъ 25 имперіаловъ... Тутъ Лорисъ взялъ горсть золотыхъ и передалъ съ

рукъ на руки Гассану въ подарокъ, а затѣмъ далъ особо по золотому и заптѣямъ, и нашимъ русскимъ конвойнымъ.

— Прежде всего слѣдуетъ провожатыхъ наградить, это въ дорогѣ большое и важное дѣло,—сказалъ онъ.

До глубокой ночи въ тотъ день и всѣ послѣдовавшіе затѣмъ дни Лорисъ-Меликовъ много спрашивалъ, еще больше рассказывалъ. Человѣкъ крайне живой, въ высшей степени интересный, онъ вовлекалъ въ разговоръ всѣхъ, обмѣнъ рѣчи при немъ шелъ такой оживленный, что не хотѣлось и оставлять уютную квартиру благороднаго военачальника, не умолкавшаго ни на минуту и широко дѣлившагося своими знаніями, своей опытностью, всѣми пріобрѣтенными имъ за время своей службы и своей жизни интересными свѣдѣніями и всею мудростью своею.

Пригласивъ генераловъ Духовскаго (нач. штаба арміи) и состоявшаго при немъ Кишмишева, онъ сталъ разбираться въ дѣловыхъ бумагахъ, привезенныхъ мною, при чемъ онъ высказывалъ столько богатыхъ мыслей, что слушать его казалось никогда не пересталъ бы, и все это въ простой, полной геніальности, формѣ. Дня черезъ три я отпустилъ Гассана и его отрядъ заптѣевъ обратно.

Пробывъ дней пять у Лориса, — этого въ высокой степени рѣдкаго человѣка, я выѣхалъ въ Карсъ, для чего проѣхалъ на Гассанъ Кала и Кебри-кію верхомъ, а дальше по совѣту Лорисъ-Меликова, на почтовыхъ—благо почтовая гонка была здѣсь организована образцово—до самаго Тифлиса,—въ который мнѣ пришлось въѣхать 3-го марта; а 4-го имѣлъ высокую честь представиться главнокомандующему кавказской арміей, нашему генералъ-фельдцейхмейстеру и генералъ-фельдмаршалу, великому князю Михаилу Николаевичу.

Объ этомъ, какъ и вообще обо всемъ дальнѣйшемъ, — рѣчь впереди.

Чтобы кончить съ этою частью разсказа, я изложу здѣсь то, что меня крайне занимало и, будучи занесено на страницы моихъ записокъ, веденныхъ въ тѣ времена, было дополнено много лѣтъ позже изъ переписки, которую я случайно завелъ съ однимъ изъ уроженцевъ Черниговской губерніи, который попалъ консуломъ въ сосѣдство съ Малой Азіей, а въ одинъ изъ наѣздовъ въ Черниговъ, познакомившись со мной и услышавъ отъ меня, что я въ городахъ близкихъ къ его мѣсту служенія бывалъ, самъ далъ мнѣ обѣщаніе разузнать о моихъ старыхъ знакомыхъ и сообщить мнѣ о дальнѣйшей ихъ судьбѣ.

Надо дополнить мои записки свѣдѣніемъ о томъ, что по возвращеніи моемъ изъ Малой Азіи, при представленіи, уже во время пасхальныхъ дней 1878 года Великому Князю Главнокомандующему въ Санъ-Стефано, я былъ спрошенъ Его Высочествомъ о лицахъ, которыя во время совершенія мною путешествія по Малой Азіи были особенно полезны мнѣ, какъ лицу, командированному Его Высочествомъ по дѣламъ службы. Я назвалъ, какъ особо выдавшихся тогда изъ числа иностранцевъ: консула Рива, доктора Анастасіу и Гассанъ-бея. Великій Князь, отнесшись съ крайнимъ вниманіемъ къ донесенію, самъ исходатайствовалъ всѣмъ тремъ ордена и, такимъ образомъ, они были награждены: Рива ¹⁾ — орденомъ Св. Станислава 2-й степени, Анастасіу ²⁾ — получилъ орденъ Анны 3-й степени, а Гассану ³⁾ досталось награжденіе орденомъ Св. Станислава 3-й степени, для нехристіанъ установленнымъ.

Не могъ Мемедъ-Речжди вынести этого оскорбленія: какъ, думалось ему, великая награда, которую быть можетъ онъ упустилъ только потому, что командировка не досталась ему, — теперь украшаетъ недостойную грудь того, кто, строго говоря, и не смѣлъ бы думать о такомъ назначеніи, каковымъ являлось сопровожденіе великокняжеской миссіи по Анатолиі. Немного времени потерпѣлъ Мемедъ-Речжди это оскорбленіе, а года черезъ полтора, какъ-то вдругъ, совершенно неожиданно, чуть ли не на той же площади, на которой мы подверглись бабьему обстрѣлу камнями, онъ бросился изъ-за угла на Гассана и прынулъ его кинжаломъ. Вѣроятно, приготовленный къ этому нападенію, Гассанъ выхватилъ изъ кармана револьверъ и, уже раненый, обливаясь кровью, положилъ Мемеда на мѣстѣ, всадивъ ему пулю въ сердце. Впослѣдствіи Гассанъ выходился; нѣсколько искалѣченный остался живъ; но, имѣя массу враговъ среди такихъ людей, какимъ былъ Мемедъ, онъ избавился отъ строгаго уголовнаго наказанія только благодаря сильному заступничеству консула Рива и самого вали Юзуфа, иначе не сдобровать бы ему.

Е. Андреевскій.

¹⁾ За то, что, вѣдая дѣла русскихъ подданныхъ, между прочимъ оказалъ особую пользу и намъ.

²⁾ Безвозмездно лѣчилъ членовъ конвоя.

³⁾ Проявилъ особое рвеніе при сопровожденіи насъ въ глухой гористой мѣстности.